

АЛЕНА ЛЕБЕДЕВА

КЛЕТКА ФАРАДЕЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алена Лебедева

КЛЕТКА ФАРАДЕЯ

«Автор»

2026

Лебедева А.

КЛЕТКА ФАРАДЕЯ / А. Лебедева — «Автор», 2026

Что будет, если сын главы всемогущей IT-корпорации решит обрушить цифровую империю собственного отца? очередной бунт мажора оборачивается катастрофой: парень ловит реактивную кому на сороковом этаже заброшенного недостроя. Но пока его тело балансирует на грани жизни и смерти под монотонный писк аппаратов ИВЛ, запущенный им код продолжает жить. Кто или что такое «Мама»? Почему этого цифрового призрака панически боится СЦС — государственная система тотального слежения, контролирующая всё и вся? Что случится, если этот сверхразум решит защитить своего создателя и вырвется на свободу? Система, которая была щитом страны, в один миг превратится в её палача. Один сбой в коде — и мир накроет технологический апокалипсис. Здесь нет фантастики. Здесь пугающе реальная цифровая реальность, разворачивающаяся прямо сейчас на улицах Москвы. Психологический кибертриллер, который деплоится в сеть прямо сейчас, в режиме живого кодирования сюжета. Добро пожаловать в контур!

© Лебедева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
3	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Алена Лебедева

КЛЕТКА ФАРАДЕЯ

ПРОЛОГ

Кабинет стремительно слеп.

Уходящее солнце оставляло на стенах рваные, багровые шрамы света. Воздух между двумя мужчинами застыл, готовый вот-вот взорваться. За огромным столом, в массивном кресле, сидел Ромашов-старший. Он откинулся на высокую спинку, обтянутую плотной кожей а, и лениво наблюдал за сыном. Сергей стоял у панорамного окна, спиной к нему. На нём было огромное худи из плотного японского хлопка, которое скрывало тренированное тело. Края рукавов были специально обрезаны вручную. Низко на бёдрах сидели широкие джинсы, а на ногах серо белели потёртые коллекционные кеды. Не глядя на отца, парень лихорадочно крутил массивные серебряные перстни, усыпавшие почти все его пальцы. Монолитные кольца с гравировкой кибернетических символов глухо стучали друг о друга. Полковник Ромашов-старший слишком хорошо знал своего сына — тот был на грани дикого скандала.

— Поедешь, Серёжа, поедешь, — не меняя интонации, тихо произнёс Ромашов-старший. В его правой руке, неподвижно лежащей на резном подлокотнике из чёрного дерева, дымилась сигара.

— Нет.

Сергей резко развернулся. Сделав несколько быстрых шагов, он подошёл к столу. Этот монолит из тысячелетнего морёного дуба всегда давил на посетителей своей тяжестью. Его чёрная столешница, обтянутая в центре грубой буйволиной кожей, сейчас отражала угасающий свет, как тёмное зеркало. Чуть правее стояло кресло для гостей — намеренно низкое, чтобы каждый чувствовал себя здесь просителем. Но Сергей не сел. Он до боли вцепился пальцами в его кожаную спинку и глубоко вдохнул.

— Нет, — повторил сын, в упор глядя на ледяное лицо отца.

Тик-так. Тик-так.

На противоположной от стола стене висели огромные, метровой высоты часы в тяжёлом корпусе из того же морёного дуба. Сергей их ненавидел. До судорог, до тошноты. Ненависть родилась ещё четырнадцать лет назад, когда здесь же, на этом самом месте, восьмилетнему Серёже под это бездушное тиканье часов отец тихим и спокойным голосом сказал:

— Мамы и Сони больше нет.

— Как нет? — переспросил удивлённо Серёжа.

— Навсегда нет. Случилась авария, они погибли, — резко, как отрезал, произнёс Ромашов-старший.

Маленький Серёжа оглох. В ушах стоял только этот монотонный, глухой стук: тик-так, тик-так. С тех пор он искренне ненавидел эти проклятые часы. И вот сейчас, стоя перед отцом спустя годы, он снова отчётливо слышал это бесячее, сводящее с ума «тик-так».

Ромашову-старшему это тиканье, наоборот, очень нравилось. Он любил иногда посидеть в кресле с зажжённой сигарой в руке и под бокал хорошего виски медленно наслаждаться их общим горьковатым ароматом. Убаюкивающий, ритмичный метроном успокаивал его. В такие минуты его мысли останавливались, и Ромашов-старший по-настоящему отдыхал. Порядок, контроль, время — всё подчинялось его воле. Всё, кроме стоящего напротив сына.

— Уже всё оплачено, завтра ты летишь во Францию, — невозмутимо произнёс Ромашов-старший. — Глеб Георгиевич будет ждать тебя в десять часов. Собирайся.

— Ты чё, реально думаешь, что я отсюда уеду теперь? — Сергей сорвался на крик, и его голос эхом ударил по стенам из чёрного дуба. — Я же сказал уже! Ты мне не веришь?!

Его мелко, неуправляемо трясло. Ярость мешалась с удушьем от вечного отцовского контроля. Сергей отчаянно пытался вернуть самообладание. Пальцы рефлекторно, до боли впились в металл, лихорадочно прокручивая серебряные кольца. Не выдерживая напряжения, он продолжал орать на отца, переходя с русского на французский и обратно.

— Ты забыл?! А-а-а, тебе ж всегда было плевать! Ты лучше знаешь, как надо. Только это тебе надо, слышишь?! Тебе! А я тут где?! Я где вообще во всём этом?! *C'est ma vie, pas la tienne!* (Это моя жизнь, не твоя!) Ты живёшь две жизни — свою и мою. Нравится, тебе, да? А мне нет! Прикинь!

Сергей безумно ухмыльнулся. Стены кабинета продолжали давить на него этим проклятым, монотонным «тик-так». Мерзкий звук плавил мозг, не давая вздохнуть. Глядя в серые глаза отца, он выплюнул:

— Я выпилуюсь, понял? В этот раз точно. *Tu comprends?! (Ты понимаешь?!)* Не сомневайся даже!

Сергей резким движением выбросил левую руку в сторону Ромашова-старшего демонстрируя сплошной массив блэкворка, полностью заливавший её до самого плеча. На запястье, две тонкие, почти невидимые нити шрамов. Хирурги зашили их безупречно: незаметно для чужих глаз, но слишком памятно для них обоих.

— Я уже на опыте. В этот раз всё получится, — всё так же ухмыляясь, проговорил парень.

Тот оставался абсолютно спокоен, но сын тоже очень хорошо знал своего отца и прекрасно видел, как в этих серо-стальных глазах бушует, пытаясь вырваться наружу, дикая ярость. Слегка подавшись вперёд, Ромашов-старший голосом с едва заметным налётом почти шпионского интереса спросил:

— По маме соскучился, Серёжа? К ней хочешь? — он небрежно указал ладонью, в которой держал дымящуюся сигару, в сторону не зашторенного окна.

Сергей застыл. В ушах так оглушительно гремело «тик-так», что слова отца долетали до сознания как сквозь толщу ледяной воды.

— Так давай, делай, — тихо продолжил отец. — Мне же проще. Положу тебя рядом с ней, не волнуйся. Репутацию я как-нибудь отмою.

Тик-так. Тик-так.

— Ты... — начал Сергей и осёкся, хватая ртом воздух, как будто ему перекрыли кислород.

Он смотрел, как отец молча расстегнул кожаный ремешок, снял с запястья свои массивные часы и аккуратно положил их на дубовую столешницу. Этот жест знали все в холдинге Ромашова. Время вышло. Разговор окончен.

Взгляд Сергея бешено заскользил по столу и упёрся в квадратный, матово-чёрный монолит пепельницы из габбро-диабазы. Подойдя к краю, где она стояла, он вновь посмотрел на отца. Не отводя взгляда, пальцами, усыпанными серебряными кольцами, намертво обхватил холодный камень.

«Тяжёлый. Килограмма два. То, что нужно». — Вспышкой пронеслось в голове.

Ромашов-старший оставался сидеть неподвижно. Он лишь чуть прищурился, фиксируя каждое движение сына. Старый волк спецслужб был уверен: мальчишка с ним не справится. Отец с холодным любопытством ожидал, что же будет дальше. Сергей перехватил камень поудобнее. Очередное «тик-так» настенного маятника резануло по натянутым нервам. Парня передёрнуло.

Он вдруг резко метнулся в сторону стены, на которой висели эти проклятые, ненавистные ему часы. Усиленный двухкилограммовой пепельницей кулак с треском впечатался в центр механизма. Закалённое стекло брызнуло во все стороны мелкой крошкой, и циферблат вда-

вился внутрь. Не давая корпусу устоять, Сергей с разворота, наотмашь, вколотил камень ещё раз, круша латунное сердце маятника. Тяжёлое дерево не выдержало — крепления с треском вырвались из стены, и часы рухнули на пол.

Наступила долгожданная, выстраданная тишина.

— Наконец-то... — выдохнул Сергей, тяжело, со свистом дыша от захлестнувших его эмоций. — Заткнулись. Наконец-то.

Больше ни разу не взглянув на отца, он быстрыми шагами вышел из кабинета, сжимая в руке монолит пепельницы. Пройдя несколько метров, Сергей зашвырнул её, не глядя, в стену и направился в свою комнату.

Ромашов-старший поудобнее устроился в кресле, поднёс к губам сигару и раскурил её заново. Затянувшись горьковато-терпким дымом, олигарх перевёл ледяной взгляд на развороченный, замолчавший механизм, лежавший на полу возле стены.

— Хорошие были часы, — негромко произнёс он в пустоту кабинета. — Надо новые заказать.

Затянувшись вновь и медленно выпуская изо рта плотную серую струю дыма, растягивая слова, добавил:

— Будет так, как я сказал.

3

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.